

Ю.В. Трубникова

Алтайский государственный университет

**Лексико-derivационная структура
в интерпретации прозаического текста**

Аннотация: Статья посвящена описанию динамической лексико-derivационной структуры текста, которая определяет систему его смыслов и является основанием его восприятия и интерпретации.

The subject of the article is the problem of derivational structures, that determine sense of the hole text and perception of this text by listener or reader.

Ключевые слова: derivация, текст, лексико-derivационная структура, интерпретация.

Derivation, text, derivational structure, interpretation.

УДК: 81'373.

Контактная информация: Барнаул, пр. Ленина, 61. АГУ, филологический факультет. Тел. (3852) 366384. E-mail: trubnikova67@mail.ru.

В свое время В.А. Бухбиндер справедливо замечал, что «в плане выражения текста можно усматривать два яруса, между которыми пролегает четкая грань: текстостроительный материал, организованный по принципу соподчинения языковых единиц, и текстообразующие факторы и компоненты, аранжирующие этот материал в составе высказывания и сообщения» [Бухбиндер, 1983, с. 12]. В качестве текстостроительного материала всегда рассматривались прежде всего простые и сложные предложения и их соединения – сверхфразовые единства в монологическом тексте и диалогические единства, соответственно, в диалоге. Все эти единицы есть результат членения текста разной степени дробности. Textoобразующие факторы, играющие, кстати, ведущую, по мнению В.А. Бухбиндера, роль, чаще всего исследователями сводятся опять-таки к средствам связи предложений в тексте. Рассматриваемая таким образом структура текста не может быть основой его функционирования и не объясняет возможностей появления разных текстовых форм; как писал А.Ф. Лосев, «целое ведь нигде не делится механически на отдельные изолированные части и не возникает из них, если оно действительно живой организм, а не механизм» [Лосев, 1997, с. 28]. Более важной, чем категория связности, для текста является категория целостности.

Если связность любого текста создается прежде всего на основе линейных отношений составляющих его синтаксических единиц, то понятие текстовой целостности связывать с синтаксическими единицами нельзя хотя бы в силу их пространственной ограниченности. «Линейное следование языковой материи текста во времени сочетается с ее относительно индивидуальной ориентацией в пространстве каждого отдельного текста, что проявляется как позиционная неэквивалентность любых языковых знаков» [Москальчук, 1999, с. 3]. Как состав компонентов и семантика предложения зависит подчас от особенностей функционирования в нем единиц морфемного и даже фонетического уровня [Трубникова, 2008], так и процессы текстообразования связаны с функционированием в тексте слова, его ассоциативными возможностями. Важное значение слова в тексте не

раз отмечалось разными исследователями. Так, еще Л.В. Щерба проницательно заметил, что при создании текстов действуют «не только правила синтаксиса, но, что гораздо важнее, правила сложения смыслов, дающие не сумму смыслов, а новые смыслы, – правила, к сожалению, учеными до сих пор мало обследованные, хотя интуитивно отлично известные всем хорошим стилистам» [Щерба, 2007, с. 24].

Значимость слова, прежде всего лексического повтора, для создания целостности текста подчеркивает Г.Г. Москальчук, создавая свою теорию формы текстовой структуры. По ее мнению, повтор принадлежит к текстообразующим универсалиям, поскольку подобный принцип организации обнаруживается практически во всех языках и присутствует на всех языковых уровнях. Однако значимость слова не сводится только к особой роли повторяющихся лексических компонентов текста в создании его смысла. Исследуя различные модели организации текстов, она отмечает, в частности: «Моделирование выявило качественное различие некоторых позиций. Сильные позиции – гармонические центры – приходится на слово, а стыки композиционных зон располагаются между словами, в разъемах. Указанное обстоятельство имеет глубокий смысл с точки зрения самоорганизации текста. В сильных позициях наблюдается некоторая остановка внутреннего движения, отдельное слово задерживает движение, фиксирует кульминацию» [Москальчук, 1998, с. 40–41].

Важные для нас замечания о роли слова в тексте можно обнаружить в исследованиях разных направлений, но главным, по нашему мнению, является тот факт, что в рамках дериватологии исследователи, порой невольно, приходят к значимым для нас выводам. Так И.Г. Разина, рассматривая на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет» механизмы деривационного порождения текста как «последовательное порождение минимальных текстовых единиц (высказываний) и, на их основе, комплекса целостных формально-смысловых единств текста» [Разина, 2005, с. 6], тем не менее, делает важный для нас вывод: «в процессе развития текста смысловый потенциал каждой из этих лексем (относящихся к названию романа – *Ю.Т.*) развертывается в определенном наборе лексико-грамматических средств, отражающих связанные с ними ассоциации» [Там же, с. 10], т.е. тоже доказывает значимость именно лексической единицы в процессе текстовой деривации.

Определяющая роль слова в процессе порождения текста, с одной стороны, и восприятия его, с другой, обусловлена внутритекстовыми деривационно-детерминационными процессами. «Деривационное функционирование слова в тексте включено в процессы самодетерминации текста, когда одни элементы как бы сами “тянут” за собой другие, и это обстоятельство делает номинативную функцию как бы пусковым механизмом имманентных текстовых процессов. <...> Эти протяженные смыслы и формы, которыми пронизан текст, создают особый срез его системности, отражаемый в словаре, а через его опосредование и в языковом сознании, например, в факте словесных ассоциаций по форме, которая способна “притягивать” одно слово к другому почти так же, как семантика» [Голев, 1998, с. 72–73]. Во-первых, с деривационной точки зрения любой элемент текста есть продукт развертывания, отдельный этап деривационного процесса и единица, обеспечивающая свертывание текста. Каждая единица как бы вырастает из всего предшествующего текста и конкретно из предыдущей единицы. В силу этого, между двумя сопологающимися языковыми единицами и, шире, между любыми элементами текста возникают определенные внутритекстовые связи и отношения. Связи и отношения разного рода (альтернатива, градация, конкретизация, обусловленность, тождество) возникают, таким образом, и между членами любого лексического ряда.

В целом всякий текст как динамическая структура представляет собой пространственно-временное развертывание различных лексических рядов, члены ко-

торых находятся друг с другом в отношениях детерминации, т.е. всякая «последующая» единица может быть рассмотрена как семантическое продление предыдущей. Данные ряды, взаимодействуя в тексте, образуют его лексико-деривационную структуру, которая определяет систему смыслов и является основанием восприятия и интерпретации текста в целом.

Информационное наполнение каждой части текста независимо от ее размера является значимым, по крайней мере, с двух точек зрения: во-первых, как источник информации о внутренних процессах, о разных аспектах смысловой структуры каждой из соотнесенных ситуаций, во-вторых, как источник информации о внутренних процессах возникновения смысловых связей и отношений. Если рассмотреть под этим углом зрения сквозные лексические ряды текста, то оказывается, что члены ряда, являясь частью семантической структуры, непосредственно участвуют в формировании контекстуального фактора отношения между смысловыми частями текста.

Во-вторых, детерминационные связи между членами лексического ряда позволяют рассматривать каждый ряд и всю структуру, комбинацию рядов, как целостный объект, особенностью которого, по сравнению с входящими в него единицами, является то, что он представляет собой не столько набор элементов, сколько систему связей между ними, а известно, что «каждая часть, включенная в целое, начинает обладать функциями, отсутствующими у нее вне этого целого. Совокупность функций предстает не в виде простой суммы, а как система связей, в которой функции преобразованы» [Елфимов, 1983, с. 109]. Это приводит к тому, что лексический ряд как целостный объект может определять (конкретизировать и даже менять) в том числе и семантику входящих в него единиц.

Деривационно-детерминационные процессы на уровне лексики протекают в тексте в двух направлениях – семантическом и/или формально-семантическом, соответственно, и все возникающие в тексте лексические ряды можно разделить на семантические и формально-семантические. Актуализация деривационных рядов возможна в микроконтексте в виде соположения в нем единиц формально сходных (лексический или морфемный повтор) или семантически близких (языковых и контекстуальных синонимов или антонимов). Ограниченность текстового пространства в этом случае мешает такого рода рядам занимать в тексте центральную смысловую позицию. Наоборот, лексико-деривационные ряды организуют не микро-, а более широкий контекст и даже текст в целом. Сквозные семантические ряды текста становятся как бы фоном, на котором четко проявляются центральные ЛДР, фиксируя основные смыслы текста. Совокупность таких смыслообразующих рядов текста и есть его лексико-деривационная структура.

Порождение смысла текста есть сложный процесс, в том числе и его лексической деривации, динамического создания семантики слова, лексического ряда, высказывания. Л.Н. Мурзин замечал: «лексическая деривация, как и любой другой тип деривации, в конечном счете удовлетворяет потребность в построении текста» [Мурзин, 1984, с. 43].

Смысл целого текста является иерархической структурой, подчиняя себе отдельные смыслы его единиц. Наличие смысла целого, синтезирующего смыслы составляющих, и наличие определенной формы (деривационной и композиционной), более сложной по сравнению с формой составляющих, делает текст единицей высшего уровня языка, моделируемой на основании его лексико-деривационной структуры, универсальной категории порождения и восприятия текста, определяющей в том числе процесс интерпретации данного текста.

Для иллюстрации роли лексико-деривационной структуры в процессе функционирования художественного прозаического текста рассмотрим структуру и интерпретационные возможности лексических рядов в рассказе А.П. Чехова «Невеста».

Особенностью данного текста по сравнению с уже анализированными нами является то, что в формировании его лексико-derivационной структуры активно участвуют глаголы и прилагательные, т.е. предикатные компоненты. Это объясняется как жанром текста (рассказ), так и индивидуальными стилевыми особенностями прозы А.П. Чехова, особенно важными из которых для нас являются простота, лаконичность фразы и текста в целом, что достигается повышением внимания к детали за счет семантической емкости слова и насыщенности текста детерминационными семантическими связями. Формально-семантические связи лексических единиц используются писателем крайне скупно, и тем знаменательней появление подобных рядов в его произведениях.

Лексико-derivационная структура рассказа «Невеста» организована как несколько перекрещивающихся семантических рядов, соотнесенных с персонажами рассказа. Главная героиня рассказа – Надя, кроме нее в фокусе повествования четыре персонажа – ее мать, бабушка, Саша и жених Андрей Андреич. Семантические ряды этих героев, а также семантический ряд сада, и формируют derivационную структуру текста. Основу каждого ряда, как мы уже заметили, составляют прилагательные и глаголы, причем и те, и другие четко делятся на две группы. Количественное соотношение глаголов и прилагательных разной семантики в лексических рядах, соотнесенных с разными персонажами, является различным.

Среди глаголов выделяются глаголы действия, в основном, движения (*пошла, вошла, ушла, приезжал, ходил*) и речевого действия (*сказала, шептала, рассказывала, говорил, повторила*) и глаголы чувства и состояния (*чувствовала, почувствовала, спала, притихла, плакала*), причем преобладают последние. Доминирование статальных предикатов в семантике текста сказывается и на значении отдельных членов каждого ряда. Значение состояния появляется у глаголов движения. Например, ряд Нади в начале рассказа включает следующие глаголы движения: *встала, пошла, легла, села, встала, пошла, гуляла, встала, пошла, легла* и т.д. В ряду Саши вновь встречаем *пошел, сел, ходил* и др. В ряду мамы – глаголы *ушла, вошла, пришла, села, легла*. Монотонность и повторяемость соответствующих действий и, следовательно, соответствующих языковых единиц создает впечатление ленивого, сонного, даже заторможенного состояния героев.

Значение состояния приобретают и глаголы говорения (*Бабушка... говорила громко; все трое говорили о гипнолизме*). Соответствующие компоненты значения появляются и у глаголов других семантических групп, прежде всего у глаголов активного физического действия. Значение состояния приобретают глаголы *аккомпанировать, играть* (*После ужина Андрей Андреич играл на скрипке, а Нина Ивановна аккомпанировала на рояле; Перед вечером приходил Андрей Андреич и по обыкновению долго играл на скрипке*), *пить* (чай) в ряду Саши (*Внизу, в зале, стали тушить огни, а Саша все еще сидел и пил чай. Пил он чай всегда подолгу, по-московски, стаканов по семи в один раз*), *читать* в лексическом ряду мамы и Нади, *раскладывать* в ряду бабушки (*В зале Саша сидел у стола и пил чай, поставив блюдечко на свои длинные пять пальцев; бабуля раскладывала пасьянс, Нина Ивановна читала. Трещал огонек в лампадке, и все, казалось, было тихо, благополучно*).

Вообще глаголы со значением активного действия как таковым в данном тексте редки. Наиболее актуальным из них в аспекте текстовой derivации является глагол *делать*, сама обобщенность семантики которого вновь нивелирует это значение. К тому же данный глагол в тексте постоянно сопровождается либо отрицанием, либо показателем ирреальной модальности (*Черт знает, никто ничего не делает. Мамаша целый день только гуляет, ...бабушка тоже ничего не делает, вы – тоже. И жених, Андрей Андреич, тоже ничего не делает*). Данный глагол в тексте референтно соотнесен со всеми персонажами и формирует самостоятельный эпидигматический ЛДР как результат пересечения основных лексических рядов.

На фоне общей семантики глагольных рядов особое значение активности приобретают прежде всего глаголы с семантическим компонентом интенсивности действия (*рыдала, кричала, ненавидела*) и фазисности (*разлюбила, заволновалась, заплакала, всхлинула, засмеялся, засобирался*). Такие глаголы встречаются прежде всего в ряду Нади, главной героини рассказа, отчасти Саши и мамы (прежде всего значение фазисности: *заволновалась, заплакала, всхлинула*). В ряду бабушки присутствует единственный глагол *рыдала*. В ряду Андрея Андреевича таких глаголов нет вообще.

Важным компонентом лексико-деривационной структуры текста являются и глаголы интеллектуального состояния (*думала, мечтала*). Глагол *думать* формирует в тексте самостоятельный ЛДР отчасти как результат пересечения персонажных рядов. Прежде всего эти глаголы связаны с рядом Нади (8 раз употреблен глагол *думать*; глагол *мечтать* в ряду Нади единственный в тексте). Кроме того, глагол *думать* входит в ряд мамы (*Знаешь, я теперь занимаюсь философией и все думаю, думаю...*). Это объединяет героиню, создавая дополнительные отношения со- и противопоставления между ними.

Еще одним ядерным глаголом текста является глагол *чувствовать*, тоже формирующий самостоятельный семантико-синтаксический ЛДР *чувствовать* – чувство прежде всего внутри лексического ряда Нади: *Надя почувствовала, что мать не понимает ее и не может понять. Почувствовала это первый раз в жизни...; она чувствовала себя слабой и виноватой; она только вот подумала о том, не поехать ли ей учиться, как все сердце ... залило чувством радости и восторга. Глагольные компоненты этого ЛДР передают и восприятие героиней окружающего: *Чувствовался май, милый май!; чувствовалась пустота в комнатах.**

Отдельные компоненты данного ЛДР входят в лексические ряды и других персонажей. Так в ряды мамы и бабушки в конце рассказа включена, объединяя их, соответствующая единица: *видно было, что и бабушка, и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда*. Форма *чувствовали* характеризует состояние героиню после отъезда Нади, одновременно создавая впечатление их пробуждения к жизни. Один раз глагол употреблен и в ряду Саши: *У них чувствовал себя как дома*. Лексический ряд жениха соответствующих компонентов не имеет, что тоже является значимым в контексте рассказа.

Одинаковое количество глаголов состояния, чувства и мысли в лексическом ряду Нади свидетельствует о том, что она не удовлетворена обыденным существованием, стремится к жизни в полном смысле этого слова. В этот же ряд входят и немногочисленные глаголы активного действия (*схватила, взяла, потрогала*). Равное количество глаголов обеих групп встречаем также в ряду Саши. Таким образом, эти герои не пассивно существуют, они размышляют, чувствуют и даже отчасти действуют.

Но нужно отметить качественное различие рядов Нади и Саши. Ряд Нади показывает движение героини от «нежизни» к жизни. Если в начале рассказа в ряду глаголы движения и стальные глаголы одинаково частотны, причем стальных наиболее частотными являются *тосковала, надеялась, чувствовала, (стала) думать*, то к концу глаголы действия преобладают количественно, меняется их семантика (у них уже нет, как в начале, наведенного значения состояния), изменяется и семантика стальных глаголов, так как героиня уже жила и сознавала. Качественно меняются от начала к концу рассказа и прилагательные, характеризующие героиню. В целом в лексическом ряду Нади преобладают прилагательные второй группы (внутреннее состояние), но если вначале общая семантика их отрицательная: *нездоровая, сердитая*, то к концу она меняется на противоположную: *живая, веселая*.

В ряду Саши глагол *жил* по сути начинает его ряд, который выстроен автором как обратное движение от жизни к смерти. На всем протяжении рассказа преобладают предикаты, по значению противоположные общему «сонному» состоя-

нию (*чувствовал, жил, шутил*), в том числе с морфемно выраженным значением фазисности (*засмеялся, засобирился, рассмеялся, обрадовался*). Но к концу рассказа появляются глаголы со значением изменения физического состояния (*он постарел, похудел до, наконец, скончался*), а также изменяется семантика прилагательных.

Вообще, среди прилагательных текста выделяются описывающие, во-первых, внешние признаки (*высокая, красивая, полная, пышная, худой, бородастый* и т.д.) и, во-вторых, внутреннее состояние героев (*виноватая, сердитая, взволнованная, несчастная* и др.). Преобладание в ряду прилагательных семантики того или иного типа тоже, как и в случае с глаголами, корректирует значение всех членов ряда. Так, появляется значение только внешнего признака у прилагательных *важная, надменная* в ряду бабушки, *жалкая, глупенькая* в ряду мамы; и наоборот, значение внутреннего состояния приобретают прилагательные *серый, провинциальный* в ряду Саши.

Ряды прилагательных, относящиеся к разным персонажам, тоже качественно различны, как и ряды глаголов. Ряд жениха содержит в основном только слова первой группы (*полный и красивый, с вьющимися волосами*). Слова иной семантики всегда употребляются в рассказе с измененным субъективно-модальным значением (в восприятии Нади: *потом мало-помалу оценила этого доброго, умного человека*). В ряду прилагательных мамы и бабушки слова первой группы тоже преобладают (мама: *молодая, белокурая, маленькая*; бабушка: *полная, некрасивая, старая*). Ряд Саши содержит почти равное количество прилагательных обеих групп (*худой, бородастый, красивый – странный, наивный, замученный*).

По этому параметру ряд Нади противопоставлен рядам других героев рассказа. В ее ряду прилагательные со значением внешнего признака не просто малочисленны, они единичны (*высокая, красивая, стройная, нарядная*), основой ряда являются прилагательные второй группы (*виноватая, сердитая, одинокая, чужая, веселая, живая* и т.д.). В начале рассказа в ряду преобладают единицы с отрицательной семантикой (*слабая, нездоровая*). Решение героини уехать из родного дома в Петербург приводит к изменению общей тональности ряда (*здоровая, веселая*). Приезд героини домой вновь ведет к появлению таких прилагательных, как *ненужная, чужая*. В целом, противительные отношения возникают между компонентами ряда, связанными с идеями бездеятельной замкнутой жизни в узком кругу и «большой жизни», жизни, связанной с движением и действием (*Она ясно сознавала, ...что она здесь одинокая, чужая, ненужная и что все ей тут ненужно... Она пошла к себе наверх укладываться, а на другой день утром простилась со своими и, живая, веселая, покинула город...*).

Вообще семантико-синтаксический ЛДР *жить–жизнь*, образующийся как результат пересечения персонажных лексико-семантических рядов, является основным вертикальным рядом текста рассказа, наличие соответствующих компонентов в ряду или иного героя является важным смыслоформирующим моментом. Ряд Андрея Андреича включает единственное словоупотребление *жизнь* в его реплике: *Когда женимся, то пойдем вместе в деревню, ...будем ...наблюдать жизнь*. Этот бездействующий герой ничего больше предложить и дать невесте не может, и не удивительно, что это ни в коей мере ее не удовлетворяет. В ряду бабушки соответствующая единица появляется только к концу рассказа и связана с переменами, вызванными отъездом Нади: *...и прощай тогда навеки легкая, беззаботная жизнь*.

Чаще встречаются компоненты *жить – жизнь* в ряду Саши, например: *И комната, в которой он жил здесь, называлась уже давно Сашиной комнатой; не могу я жить в этом городе*, однако включенные в его ряд единицы чаще референтно связаны с другими героями и сопровождаются отрицательной оценкой, что создает сложный рисунок субъективной модальности в тексте: *как безразв-*

венна эта ваша праздная жизнь; вы заедаете чью-то чужую жизнь; покажите всем, что эта неподвижная, серая, грешная жизнь надоела вам.

В лексическом ряду мамы компоненты анализируемого ЛДР достаточно частотны (кроме того, в ряд включаются единицы, мотивационно связанные с основным глаголом: *она по-прежнему проживала в доме как приживалка*), но все эти единицы либо сопровождаются отрицательной оценкой, как и в ряду Саши: *жила в полной зависимости от своей свекрови*; либо характеризуются ирреальной модальностью: *Я жить хочу! Жить! <...> Я еще молода, я жить хочу, а вы из меня старуху сделали!..*

Наиболее частотны компоненты ряда *жить – жизнь* в ряду Нади: *пошла к себе наверх, где жила с матерью; в первый раз в жизни* и др. В начале рассказа единицы ЛДР сходны с соответствующими единицами в ряду мамы, с одной стороны, воспринимаем отрицательную оценочность: *как я могла жить здесь раньше; презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь; эта жизнь опостылела мне*; с другой – ирреальную модальность: *Ей страстно хотелось жить, хотелось в Петербург*. К концу рассказа тональность ряда резко меняется, как и в целом тональность всего лексического ряда героини: *впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайн, увлекала и манила ее*.

Вообще, названный семантико-синтаксический ЛДР фиксирует в себе идею всего текста: не противопоставление провинциальной и столичной жизни, но противопоставление жизни бездуховной, пошлой, точнее не-жизни, и жизни полноценной, эмоционально наполненной. Большинство героев рассказа не живут, настоящая жизнь течет где-то за пределами их узкого круга: *Дышалось глубоко, и хотелось думать, что не здесь, а где-то под небом, над деревьями, далеко за городом, в полях и лесах развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманию слабого, грешного человека*. Уловить дыхание жизни и двинуться ей навстречу – судьба главной героини.

Особенностью ЛДР с детерминантом *жить* как ядра лексико-деривационной структуры рассказа является формирование семантики центрального компонента ряда непосредственно в процессе деривации текста. Чтобы убедиться в этом, приведем соответствующую словарную статью из словаря С.И. Ожегова: «Жить: 1. Существовать, находиться в процессе жизни; 2. (перен.) О мыслях, чувствах: иметься, быть; 3. Проводить жизнь в каком-нибудь месте, среди кого-нибудь, обитать; 4. чем и на что. Поддерживать свое существование чем-нибудь; 5. (перен.), кем-чем. Быть целиком занятым, поглощенным, увлеченным кем-чем-нибудь; 6. кем и с нареч. Вести какой-нибудь образ жизни; 7. с кем. Быть в каких-нибудь отношениях с кем-нибудь; 8. в ком и кем. Работать, проживая в доме нанIMATEЛЯ (устар.); 9. с кем. Находиться в любовной связи с кем-нибудь (разг.); 10. живет. То же, что бывает (стар., в пословицах)» [Ожегов, 2003, с. 191]. Если внимательно рассмотреть приведенные значения глагола и значения соответствующих лексических единиц текста, окажется, что из узуальных значений в тексте реализуются только первое (*не могу я жить в этом городе; вам бы здесь до осени пожить*), третье (*комната, в которой он жил здесь; наверх, где жила с матерью*) и шестое (*жила в полной зависимости; жил как придется*). Основное же текстовое значение глагола ‘вести деятельную жизнь, наполненную чувствами и мыслями’, возникающее в таких контекстах, как *Ей страстно хотелось жить, хотелось в Петербург; Я жить хочу* и др. узуальным не является, формируется у слова как компонента лексико-деривационной структуры под воздействием общего противопоставления действия и бездействия, чувства и его полного отсутствия, жизни и не-жизни, в которой поступком является даже смерть (Надя перед своим бегством: *полная ожиданий, готовая на все, хотя бы на смерть*).

Таким образом, подтверждается наше утверждение о том, что лексический ряд текста, тем более ЛДР, актуализируя дополнительно формальные связи лексических единиц, формирует семантику своих членов и участвует в формировании текстовой семантики в целом, которая создается в процессе деривации, в процессе развертывания лексико-деривационной структуры текста.

Литература

Бухбиндер В.А. Двуетадный статус текста // Проблемы текстуальной лингвистики. Киев, 1983.

Голев Н.Д. К основаниям деривационной лексикологии русского языка // Очерки по лингвистической детерминации и дериватологии русского языка / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 1998.

Елфимов Г.М. Возникновение нового: Философский очерк. М., 1983.

Лосев А.Ф. Диалектические основы математики // Лосев А.Ф. Хаос и структура. М., 1997.

Москальчук Г.Г. Структурная самоорганизация текста // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1998. Вып. 2. Ч. 2.

Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Барнаул, 1999.

Мурзин Л.Н. Основы дериватологии. Пермь, 1984.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 2003.

Разина И.Г. Механизмы деривационного порождения текста: семантика – синтактика – прагматика (на материале романа В.В. Набокова «Король, дама, валет» и его перевода на английский язык): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005.

Трубникова Ю.В. Экспрессивное использование внутренней формы слова // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 2007.